

⁹ ЦГИА РБ. Ф. 110. Оп. 1. 370, 762, 801, 846, 894, 897.

¹⁰ Полн. собр. законов Российской империи. Т. 6. № 4547; Т. 10. № 7735, 7990, 8064; Т. 11. № 8764; Т. 12. № 10653; Т. 25. № 18477; Т. 30. № 23049; Законы о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / Под ред. Ф.Х. Гумерова. Уфа, 1999; Женское право. Свод узаконений и постановлений. СПб., 1873; Сб. циркуляров и иных руководящих распоряжений Оренбургского Магометанского Духовного собрания 1836–1903. Уфа, 1905.

¹¹ Асфандияров А.З. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. // Южноуральский археологический сб. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 196–342; Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями // Приложение к IV тому Записок Императорской Академии наук. СПб., 1864. № 6; Асфандияров А.З., Абсалямов Ю.М., Роднов М.И. Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Уфа, 2001.

¹² Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873; Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа, б.г.; Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Раздел II: Статистика. Уфа, 1889.

¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб., 1904. Т. XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 1–2. СПб., 1904.

¹⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. М.; Л., 1949. № 272, 419; Т. IV. Ч. I. М., 1956. № 228, 246, 247, 279, 280, 284; Т. IV. Ч. 2. М., 195. № 462; Т. V. М., 1960. № 306.

¹⁵ Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990; Библия. М., 1993; Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Под ред. Ю.И. Семенова. М., 2000.

¹⁶ Башкирское народное творчество. Т. 1: Эпос. Уфа, 1987; Т. 2: Предания и легенды. Уфа, 1987; Т. 3: Богатырские сказки. Уфа, 1987; Т. 7: Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Уфа, 1993; Т. 8: Песни (дооктябрьский период). Уфа, 1995; Т. 10: Исторический эпос. Уфа, 1999; Башкирское народное творчество. Сказки (на баш. яз.). Уфа, 1978; Т. 3: Эпос (на баш. яз.). Уфа, 1998; Детский фольклор (на баш. яз.). Уфа, 1994; Мать. Пословицы и поговорки. Словарь (на баш. яз.) / Под ред. М.Х. Ахтямова Уфа, 2002; Моратов А. Шакир сватает невесту (на баш. яз.) // Агидель. 1980. № 6–8; Карим М. Деревенские адвокаты: Повести. М., 1989.

*В.Д. Камынин
(Екатеринбург)*

МЕСТО ИСТОРИКОВ «СТАРОЙ ШКОЛЫ» 1920-х гг. В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В XX в.

Историографические исследования в настоящее время переживают непростой этап развития. Характерными его чертами можно считать, во-первых, скептическое отношение некоторых историков к историографическим исследованиям, во-вторых, размежевание в среде самих историографов. Первая черта проявляется в требовании к историографам сузить задачи своих исследований, свести их к созданию «критически-провоцирующих статей»¹. В этом видится проявление тенденции рассматривать историографию только как вспомогательную историческую дисциплину, «обслуживающую» интересы исторической науки. Выделение историографии в особую отрасль исторического знания со своим предметом исследования порождает критику в адрес историографов как людей занимающихся «псевдонаукой», «особой формой имитации работы мысли в исторической науке» и т.д.²

На современном этапе произошло размежевание в среде самих историографов по вопросам о смысле, задачах и методике историографии. Четко выделяется два подхода к этим вопросам. Один из них реализуется в рамках «проблемной» историографии, традиционно направленной на подведение итогов изучения определенной исторической проблемы, выявление неизученных или дискуссионных вопросов, определении направлений возможных будущих изысканий по данной проблеме. Второй подход трактует историографию как историю исторической науки, вынося на обсуждение научной общественности много важных теоретических вопросов развития исторического знания.

Обратимся лишь к одному из них. Большие споры в современной историографии вызывает вопрос о преемственности и разрывах в российской исторической науке. Особый интерес в этом отношении представляет XX столетие, на протяжении которого Россия несколько раз переживала смену общественного строя. В связи с тем, что историческая наука тесно связана с идеологией и политикой, перед историографами встает вопрос о том, какое влияние оказывают трансформации общественного строя на развитие исторической науки.

В советское время прочно утвердилось представление о том, что после 1917 г. в России сформировалась новая историческая наука, характерной чертой которой был полный разрыв с дореволюционной историографической традицией как в области методологии, так и исследовании конкретно-исторических проблем. Зеркальным отражением этого подхода является нигилистическое отношение ряда современных авторов к советской исторической науке на основании того, что она представляла собой «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей»³.

По нашему мнению, составить правильное представление о преемственности или разрыве между дореволюционной и советской историографической традицией возможно при внимательном изучении феномена историков «старой школы» 1920-х гг., который представлял собой своеобразный «мостик», перекинутый между двумя этапами отечественной историографии XX столетия.

Историки «старой школы» продолжали свои исследования в Советском государстве вплоть до конца 1920-х гг. Отрицать их вклад в историческую науку, писать о том, что они не «делали погоды» и не оказывали влияния на развитие исторической науки, значит, грешить против истины и обеднять процесс развития отечественной историографии в советский период.

Между историками «старой школы» и историками-марксистами часто проходили дискуссии, которые в 1920-е гг. еще носили научный характер. Дискуссии проходили в том случае, когда историки одного из направлений затрагивали вопросы, являвшиеся полем исследования другого направления. Наличие научных дискуссий свидетельствовало не только о том, что в исторической науке в Советской России в первое десятилетие с советской власти имел место научный плюрализм, но и то, что научное сообщество, называемое историками «старой школы», передавало историкам-марксистам часть наследия дореволюционной историографии, которое особенно ярко проявлялось в советской историографии в области изучения древней и средневековой истории России.

В своих работах, созданных после Октябрьской революции, большинство историков «старой школы» отстаивало представления о ведущей роли государственности в историческом процессе, о «закрепощении» и «раскрепощении» созданных государством сословий, о бесклассовом характере русского исторического развития, о приоритете в истории политических, юридических и нравственно-эстетических факторов и т.д. Их критика формационного подхода к истории давала о себе знать и в 50–60-е гг. XX столетия, проявляясь в дискуссиях об «азиатском способе производства», «многоукладности» и др.

Широкое распространение среди обществоведов «старой школы» получило неокантианство. А.С. Лаппо-Данилевский после революции начал готовить новое издание своей книги «Методология истории», которое вышло в 1923 г. уже после смерти автора. Позиции этого автора в объяснении исторического процесса отстаивали Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, Вен. М. Хвостов и др. Неокантианство оказывало влияние на историков «старой школы» вплоть до конца 1920-х гг. Д.М. Петрушевский в книге «Очерки по экономической истории средневековой Европы» (1928 г.) именно с этих позиций открыто выступил против марксизма, называя социально-экономические категории, которыми оперировала марксистская методология истории, субъективными конструкциями. На этих позициях продолжали стоять и некоторые советские историки, особенно те, которые занимались изучением средневекового периода (А.Я. Гуревич).

С другой стороны, часть представителей «старой школы» претерпевала определенную эволюцию под влиянием новых исторических реалий и в конечном итоге волилась в состав советской исторической науки. Пропаганда новыми властями материалистического понимания истории привела Р.Ю. Виппера, А.Е. Преснякова, Е.В. Тарле, Б.Д. Грекова, С.А. Голубцова и др. историков к выводу о необходимости сочетания идейных и экономических моментов в объяснении исторического развития. Н.И. Кареев призывал историков быть вне борьбы партий и классов, признать марксизм как одно из направлений в современной социологии.

Таким образом, через историков немарксистского направления 1920-х гг. советская историческая наука сохранила преемственность с дореволюционной историографической традицией и «связь времен» не была порвана.

Примечания

¹ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 322.

² См. подробнее: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. К вопросу о функциях и месте историографических исследований в развитии исторической науки // Вестн. Тюменского университета. 2004. № 1. С. 79–91; Они же. К 95-летию со дня рождения В.Я. Кривоногова (1911–1977) // Россия и мир: история и историография. Междунар. альманах. Екатеринбург, 2006. Вып. 1. С. 170–180.

³ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 37.

В.Д. Камынин (Екатеринбург),

И.Г. Шишкин (Тюмень)

ИСТОРИКИ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ВОЕВОДСКОЙ ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

О зарождении воеводской формы местного управления в Московском государстве специально писали С.В. Бахрушин, С.М. Каштанов, А.Н. Копылов, Р.Г. Скрынников и другие советские историки¹.

Современные исследователи также изучают особенности воеводской системы управления в Русском государстве второй половины XVI в.² В работах М.М. Бендианова, Е.В. Вершинина, Е.М. Главацкой, В.Н. Глазьева, В.В. Каргалова, В.В. Коновалова, Н.Л. Конькова, А.П. Павлова, Н.Н. Симачковой, Я.Г. Солодкина, В.Ю. Софронова, О.Ю. Шаходановой, А.Т. Шашкова и других рассмотрены особенности этого института власти на различных территориях Московского государства: Северо-Восточной Руси, Казанского края, Сибири, его южных рубежей и др.